Добрыня и змей (2)

Добрынюшке матушка говорила:
«Что молод стал ездить во чисто поле,
На ту гору Сорочинскую,
Топтать-то молодых змеенышей,
Выручать-то полонов русскиих.
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке;
Пучай-река есть свирепая:
Середня струйка как огонь сечет».
Добрынюшка матушки не слушался,
Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра коня;
Седлал бурка в седелышко черкасское,
Потнички клал на потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет черкасское седелышко.
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцату клал ради крепости,
Чтоб добрый конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца с добра коня не вырутил1.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у седла красна золота,
Шпеньки2 у подпругов все булатныя:
Тут шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит — не стареет.
Как был он во чистом поле,
На тыих горах на высокиих,
Потоптал младых змеенышев,
Повыручил полонов русскиих,
Богатырско его сердце нажаделося3,
Нажаделося и распотелося.
Он приправил своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-реке,
Слезает он скоро с добра коня,
Снимает с себя платье цветное,

Забрел за струечку за первую,
И забрел за струечку за среднюю,
И сам говорил таково слово:
«Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, матушка наказывала,
Что не езди далече во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Не топчи-ко младыих змеенышев,
Не выручай полонов русскиих,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке;
Что Пучай-река есть свирепая:
Середня струйка как огонь сечет.
А Пучай-река есть кротка, смирна:
Она будто лужа дожжевая».
Не успел Добрыня в час слово смолвити,
Как в тую пору, в то время,
Ветра нет, тучу наднесло,
Тучи нет, а только дождь дожжит,
Дождя-то нет, свищет молния,
Молнии нет, искры сыпятся, —
Летит змеище-Горынчище,
О двенадцати змея о хоботах.
Хочет змея его с конем сожечь,
Сама говорит таково слово:
«Теперечь Добрыня во моих руках;
Захочу — Добрыню теперь потоплю,
Захочу — Добрыню в хобота возьму,
В хобота возьму и в нору снесу,
Захочу — Добрыню съем-сожру».
Добрынюшка плавать горазд он был,
Нырнет на бережек на тамошний,
Нырнет на бережек на здешний;
Нету у Добрынюшки добра коня,
И нет его платьев цветныих,
И нет меча бурзамецкого,
Только что лежит на земле пухов колпак,
Насыпан колпак земли греческой,
По весу колпак цело три пуда.
Как припадет змея к быстрой реке,

Он хватил колпак земли греческой,
Шибнет во змею во проклятую,
Ошиб змее двенадцать всех хоботов,
Упала змея во ковыль траву.
На кресте был у Добрынюшки булатен нож,
Добрынюшка на ножку был поверток,
Скочил на змеинины груди белыя,
А змея Добрыне ему змолится:
«Ах ты ей, Добрынюшка Никитинич!
Мы положим заповедь великую,
Чтобы не летать мне на святую Русь,
Не носить людей больше русскиих,
Не копить мне полонов русскиих;
А тебе не ездить во далече во чисто поле,
Не топтать ти младыих змеенышев,
Не выручать полонов русскиих».
Положили они заповедь великую.
Как спустил змею с-под колен своих,
Тая змея она проклятая
Поднялась она вверх под облаку;
Случилось ей лететь через Киев-град,
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну
Идучись по улицы широкия,
Припадала змея ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тут солнышко Владимир стольно-киевский
По три дня он билиц-волшебниц скликивал,
Не мог билиц он докликатися,
Кто бы мог съездить во далече во чисто поле,
Достать князеву племянницу.
Говорит Алешенька Левонтьевич:
«Что, солнышко Владимир стольно-киевский!
Накинь-ко эту службу великую
На того Добрыню на Никитича:
У того Добрыни у Никитича
Со змеей ведь заповедь положена;
Он съездит во далече во чисто поле,

Он достанет нам Забаву Путятичну
Без бою, без драки-кроволития».
Накинул он службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Он пошел домой Добрыня, закручинился.
Встречает его государыня родна матушка:
«Что же ты, Добрынюшка Никитинич,
Идешь с пиру, сам кручинишься?
Знать место было там не по чину,
Чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дурак на пиру надсмеялся де?»
Говорил Добрынюшка Никитинич:
«Место было мне-ка по чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
И дурак надо мной не надсмеялся де;
А накинул службу да великую
Тот солнышко Владимир стольно-киевский,
Что съездить во далече во чисто поле,
Сходить на ту гору Сорочинскую,
Сходить во нору во глубокую,
Достать-то князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну».
Говорила родна его матушка:
«Ложись-ко спать рано с вечера:
Утро будет оно мудрое,
Мудренее утро будет вечера».
Он ставал по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку белешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обседлал он дедушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощеньице плетку подала:
«Ах ты ей, рожоно мое дитятко!
Возьми-ко плеточку шелковую.
Когда будешь во далече во чистом поле,
На тоя горы на Сорочинския,
Потопчешь младых змеенышев,
Тыи младые змееныши

Подточат они у коня щеточки[4], —
И бей бурка промежу уши,
И бей бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между задния:
Что станет твой бурушко поскакивать,
Змеенышев от ног отряхивать,
Притопчет всех до единого».
Как будет он во далече во чистом поле,
На тыя горы Сорочинския,
Потоптал он младыих змеенышев,
Повыручил полонов русскиих;
Тыи же младые змееныши
Подточили у бурка они щеточки,
Что не может он бурушко поскакивать,
Змеенышев от ног он отряхивать.
Он брал де плеточку шелковую,
Бьет бурка промежу уши,
И бьет бурка промежу ноги,
И промежу ноги, ноги задния:
И стал его бурушко поскакивать,
Змеенышев от ног он отряхивать,
Притоптал он всех до единого.
Выходила змея тут проклятая
Из тоя норы из глубокия,
Говорила змея ему проклятая:
«Ах ты ей, Добрыня сын Никитинич!
Ты зачем нарушил свою заповедь,
Притоптал всех малыих детушек?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ай же ты, змея проклятая!
Черти ли тебя несли чрез Киев-град,
Зачем взяла князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну?
Отдай ее без драки, кроволития!»
Говорит ему змея проклятая:
«Не отдам я князевой племянницы
Без драки, без бою-кроволития».
Заводила она бой-драку великую.
Дрался со змеей он трои сутки,

И не мог Добрыня змеи перебить;
Хочет Добрыня от змеи отстать,
С небес ему глас гласит:
«Молодой Добрыня сын Никитинич!
Дрался ты с змеей трои сутки,
Подерись с змеей еще три часу:
Ты побьешь змею проклятую».
Дрался он с змеей еще три часу,
Он убил змею-то проклятую:
Тая змея кровью пошла.
Стоял у змеи он трои сутки,
Не мог он крови той переждать,
Хочет Добрыня от змеи отстать,
А с небес Добрыне глас гласит:
«Ай же ты, Добрыня сын Никитинич!
Стоял ты у змеи трои сутки,
Постой еще у змеи три часу;
Возьми ты копье бурзамецкое,
Ты бей копьем о сыру землю.
Сам к копью приговаривай:
«Разступись-ко, матушка сыра земля!
На четыре разступись на четверти,
Пожри-ко всю кровь змеиную»».
Стоял он у змеи еще три часу,
Брал копье бурзамецкое,
Бил копьем о сыру землю,
Сам к копью приговаривал:
«Разступись-ко, матушка сыра земля!
На четыре разступись на четверти,
Пожри-ко всю кровь змеиную».
Разступилась матушка сыра земля,
На четыре разступилась на четверти,
Пожрала всю кровь змеиную.
Тут Добрыня сын Никитинич
Опустился он в нору во глубокую,
Сам говорил таково слово
Молодой Забавы дочь Путятичной:
«Ай же ты, Забава дочь Путятична!
За тебя я эдак странствую.

Поедем ко граду ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру».
У тоя змеи у проклятыя
Наношено силы сорок тысячей,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
А простой-то силы и сметы нет.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Вы все цари, все царевичи,
Все короли, все королевичи!
А вам всем воля вольная,
Куда вздумаете, туда пойдете».
Повез он князеву племянницу
По той ли по пути по дороженьке;
Наехал он брод лошадиный,
По колену у ней во землю угрязнуто5.
Он догнал Алешеньку Левонтьевича,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Алешенька Левонтьевич!
Возьми-ка Забаву дочь Путятичну,
Отвези-ка ю во Киев-город,
Ко ласкову князю ко Владимиру».
Сам поехал этим бродом лошадиным,
Догнал поленницу, женщину великую,
Ударил своей палицей булатноей
Тую поленницу в буйну голову:
Поленница назад не оглянется,
Добрыня на коне приужахнется.
Приезжал Добрыня к сыру дубу,
Толщиною дуб был шести сажен,
Он ударил своей палицей во сырой дуб,
Да расшиб весь сырой дуб по ластиньям6,
Сам говорит таково слово:
«Силы у Добрыни есть по-старому,
А смелость у Добрыни не по-старому».
Он назад Добрынюшка воротился,
Догнал поленницу, женщину великую,
Ударил своей палицей булатноей
Тую поленницу в буйну голову:

Поленница назад не оглянется,
Добрыня на коне приужахнется.
Назад Добрынюшка воротился,
Приезжал Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной дуб сажен двенадцати,
Он ударил своей палицей во сырой дуб,
Он расшиб весь сырой дуб по ластиньям,
Сам говорит таково слово:
«Силы у Добрыни есть по-старому,
А смелость у Добрыни не по-старому».
Он догнал поленницу, женщину великую,
Ударил своей палицей булатноей
Тую поленницу в буйну голову:
Поленница назад приоглянется,
Сама говорит таково слово:
«Я думала, комарики покусывают,
Ажно7 русский могучий богатырь пощалкивает».
Как хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубок карман,
Везла она Добрыню трои сутки;
Испровещится как ей добрый конь,
Ей добрый конь голосом человеческим:
«Ай ты ей, Настасья дочь Никулична!
Не могу везти вас с богатырем:
Конь у богатыря против меня,
А сила у богатыря супротив тебя».
Говорила Настасья дочь Никулична:
«Я повыздыну богатыря из карманчика.
Ежели богатырь он старыий,
Я богатырю голову срублю;
А ежели богатырь он младыий,
Я богатыря в полон возьму;
А ежели богатырь мне в любовь придет,
Я теперь за богатыря замуж пойду».
Повыздынет Добрыню из карманчика,
Добрыня ей тут в любовь пришел.
Поехали ко граду ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Приняли они по злату венцу.

Тут по три дня было пированьице,
Про молода про Добрыню про Никитича,
Что достал он князеву племянницу.
Тут век про Добрыню старину скажут,
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

(Записано П. Н. Рыбниковым от А. Е. Чукова)

1 Не выбросил.
2 Пряжечные шпильки.
3 Возжаждало, пожелало, от жадати, чувствовать жажду, желать.
4 Место над копытом.
5 Лошадиный брод — след, он был глубок: по колена вдавливалася грязь.
6 На тонкую дрань.
7 А в, а между тем.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.